

КАТЕГОРИЯ ПРИЗНАКА В НАУЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

© 2002 Л.В. Лаенко

Воронежский государственный университет

Категория признака – одна из основополагающих в процессах восприятия и осмысления мира человеком. Важность и значимость данной категории несомненна и подтверждается неустанным интересом к ней философов, психологов, психолингвистов и лингвистов. Представителей разных наук волнует в первую очередь онтологический статус данной категории, её роль в процессах категоризации и концептуализации действительности человеком, способы, формы и средства её репрезентации как в психической, ментальной сфере человека, так и в его семиотической, речемыслительной и коммуникативной деятельности.

Несмотря на то, что существует солидная литература по данной проблематике в рамках разных плоскостей гуманитарного знания, тем не менее, некоторые её аспекты снова обращают на себя внимание. В первую очередь, наш интерес к проблеме категории признака возник в связи с последними достижениями в сфере когнитивной психологии, психолингвистики и когнитивной лингвистики. Получены новые данные, позволяющие “приоткрыть” тайны невидимого – сознания человека и достаточно объективно смоделировать те основополагающие процессы, происходящие в его психической сфере, которые в настоящее время способствуют более реалистичному объяснению и интерпретации проблем взаимосвязи языка и чувственного познания, языка и мышления.

В принципе, все размышления и изыскания различных гуманитарных наук сводятся сегодня к обсуждению и определению своих позиций по поводу следующих проблем относительно категории признака:

- 1) онтологический аспект категории признака;
- 2) репрезентация перцептивного признака в чувственной сфере человека (психологический аспект категории признака);
- 3) лингвистическая репрезентация признака предмета;

4) статус прилагательного как одного из типов признаков слов в языке в системе других частей речи.

Представляется, что без осмысления данных сущностей, их соположения и связи, несмотря на казалось бы разные сферы бытования – психика человека, её чувственная сфера и - язык - достаточно проблематично провести грамотный лингвистический анализ. Поэтому рассмотрим подробнее состояние каждого из аспектов категории признака.

1. Онтологический аспект категории признака

В объективной действительности наше сознание выделяет прежде всего две устойчивые сущности - вещи (предметы) и их признаки. Данные категории являются взаимозависимыми и определяются одна через другую. Любая вещь представляет собой совокупность признаков: “Нечто есть благодаря качеству то, что оно есть, и, теряя свое качество, оно перестает быть тем, что оно есть” [7, 58]. Признаки же, в свою очередь, не существуют сами по себе, вне вещей и понимаются как “все то, в чем предметы, явления сходны друг с другом или в чем они отличаются друг от друга” [10, 416].

С философской точки зрения признак, или атрибут (лат. *attribuo* – придаю, наделяю) – это неотъемлемое свойство предмета, без которого предмет не может ни существовать, ни мыслиться. В философской традиции принято выделять первичные и вторичные признаки предмета. Подобное различие проводили Демокрит, Галилей, Декарт, Гоббс, хотя данные термины были введены только Дж. Локком. К первичным или объективным качествам Дж. Локк относил движение, непроницаемость, плотность, объем, фигуру и т.д. Вторичные или субъективные качества, по мнению Дж. Локка, не составляют сущность вещей и находятся в зависимости от первичных качеств [22, 34].

С позиций логического подхода, таким образом, признаками следует считать любые возможные характеристики предметов. В объек-

тивной действительности признаками является ВСЁ то, в чем одни предметы похожи между собой, а другие различаются. В процессе обобщения предметов определенного вида в понятия мы используем совокупность признаков, представляющих собой содержание данного понятия. Наличие или отсутствие у предмета того или иного качества может считаться признаком предмета. Носитель признака может быть как материальным объектом, так и формой его отражения (например, представлением или понятием). Помимо этого, как категория вещи, так и категория признака являются относителными, способными к взаимопереходу, т.к. одна и та же сущность в разных ситуациях может выступать как нечто, обладающее признаком, т.е. как вещь, и как сам признак. Исключение составляют пространственно ограниченные физические тела и их объединения, которые предстают только как вещи.

Первичное разделение элементов реального мира на вещи и признаки соответствует начальному этапу познавательно-классификационной деятельности человека. Е.С.Кубрякова, рассматривая проблему возникновения частей речи в русле ономастического подхода, приходит к выводу о том, что в основе имеющегося у носителей языка представления о каждом лексико-грамматическом классе лежат “некие общие категории, соответствующие речемыслительному познанию мира и отвечающие представлению об основах классификации окружающей человека действительности” [11, 25]. Сама же классификация происходит сообразно природе вещей. Первым получило название, а, значит, было вычленено из окружающей действительности то, “что имело в природе, окружающей человека, наибольшее прагматическое значение и обладало наибольшей социальной значимостью” [11, 29], т.е. те объекты вещного мира, которые были непосредственно доступны органам чувств человека - зрению и слуху. Вероятно, на этом этапе существовала единая категория, обладающая субстанциональным значением.

В дальнейшем, в процессе развития абстрактно-логического мышления возникает потребность в дифференциации данной единой категории: уже для построения простейшего суждения о предмете необходимо было, кроме названия самого предмета, еще и название того признака, который ему приписывается. В силу этого, одни сущности начинают осмысливаться как темы высказываний, т.е. то, о чем идет речь в суждении, другие же понимаются как признаки обозначенного предмета, приписывающие ему определенные атрибуты, сообщающие о его свойствах, определяющие его место в таксоно-

мии мира и т.д. Иными словами, проводится своеобразный “семантический рубеж между обозначением того, что характеризуется, и того, как характеризуется, между обозначением предмета речи и его признаков” [11, 32].

2. Психолингвистический аспект категории признака

2.1. Признак в составе психологической структуры значения слова с позиций психолингвистики

В последние годы все чаще делается акцент на том, что изучение значений и смыслов невозможно “вне того, без чего они лишаются модуса существования - без внутренних миров их носителей” [23, 58]. Психолингвисты указывают на неизбежную субъективность любого речемыслительного акта, на невозможность четкого и однозначного разграничения на объективный мир физических явлений и субъективный мир мыслей и чувств уже в силу того, что мир структурирован посредством целей, обстоятельств и намерений человека. Находясь всегда внутри определенной ситуации, мы, как постулирует психолингвистика, не можем обладать о ней абсолютно объективным знанием. С этой точки зрения слова следует рассматривать не как элемент абстрактной лексико-семантической системы языка, а как средство “выхода” индивида “на субъективную картину объективного мира, вне которой ни само слово, ни его использование не имеют никакого смысла” [8, 52].

Таким образом, прежде всего психолингвистика предлагает, в частности, при изучении значения слова взять за точку отсчета индивида, а не отвлеченную языковую систему. Из этого положения вытекает другое отличие лингвистического и психолингвистического подходов к значению слова. Если признается, что язык существует в сознании его носителя, мы не можем не отказаться от лингвистической формулы о языке как “средстве передачи информации”. Значение не передается в процессе коммуникации, а “создается активным слушанием, при котором языковая форма является скорее стимулом для интерпретации, чем носителем информации” [6, 199]. По мнению У. Матураны, функция языка состоит в создании между участниками коммуникации пространства взаимодействия, обладающего общей системой отсчета. При этом каждый участник коммуникации не может выйти за рамки собственной картины мира, “той когнитивной модели, которая была сформирована под влиянием опыта личных переживаний” [14, 140]. Правила, существующие внутри когнитивной модели, будут диктовать языковое поведение. По замечанию Т. Виногра-

да, если мы отказываемся от учета внутреннего контекста, в который включается слово при восприятии его слушающим, “мы располагаем уже не сутью значения, а его жалкой оболочкой” [6, 220].

А.А. Залевская в связи с этим отмечает, что подход к слову как к достоянию индивида диктует необходимость выяснения следующих вопросов при рассмотрении значения: “что знает человек, когда он знает ... значение слова, на чем базируется переживание значения слова как знакомого, понятного, какие стратегии и опорные элементы используются при поиске слова в памяти, при понимании воспринимаемого текста” [8, 98].

В рамках психолингвистики, таким образом, структура значения слова рассматривается как явление психологическое, формирующееся у носителя языка как результат обобщения его многогранного опыта с учетом выработанных социумом норм и оценок. Признак же в таком случае выступает не как свойство материального объекта, а как атрибут субъективного представления о стимуле, как результат процесса осознания чувственно данного предмета.

2.2. Роль признака в распознавании образов

В рамках психологической трактовки проблемы признака ученых, помимо отмеченного выше, интересует и та роль, которую играет признак в ходе распознавания стимулов. Вопрос прежде всего заключается в том, что именно имеет решающее значение в процессе восприятия - признаки объекта или его целостный образ.

Так, гештальт-психологи полагают, что признаки представляют собой нечто производное от целого. Восприятие человека изначально целостно, а затем уже при желании или необходимости можно выделить признаки, которые организуются в образе по своим внутренним законам [16]. Это подтверждается следующим наблюдением: если попытаться транспонировать мелодию в другую тональность, звуки, разумеется, изменяются, однако на восприятии мелодии это не отразится.

Представители отечественной деятельностной психологии предлагают свою точку зрения на данную проблему. М.С. Шехтер [25] не подвергает сомнению факт существования стадии восприятия признаков объекта. Правильность его позиции, по его словам, наглядно подтверждает практика обучения, а именно: предварительная аналитическая работа существенно облегчает формирование целостного образа [25, 143]. При таком подходе к проблеме восприятия признакам отводится намного более важная

роль в распознавании образов, и, следовательно, сами признаки рассматриваются значительно подробнее.

В соответствии с другой точкой зрения, сама постановка вопроса о том, использует ли человек целостные представления или признаки объекта, заведомо ведет в тупик. Проблема должна состоять в выяснении того, **при каких условиях** человек предпочитает оперировать целостностями, когда оптимальным является использование признаков, ибо наряду с многочисленными примерами выделения признаков в процессе сравнения известны также случаи, когда сравнение объектов не может вестись в терминах признаков [19, 139]. Так, эксперимент в норме и патологии позволил сделать выводы, что многие изображения, хорошо известные испытуемым, такие как буквы знакомого алфавита и другие, сравнивались и отождествлялись без разложения на элементы [19, 128]. А.С. Штерн полагает, что в любых ситуациях обе стратегии восприятия используются одновременно, однако одна из них в зависимости от конкретных условий может превалировать [26, 217]. Так, хорошо знакомые слова воспринимаются, как правило, целиком, как гештальты, что, по мнению автора, объясняется наличием в памяти перцептивных эталонов слов. Малоизвестные слова, не обладающие перцептивным эталоном в памяти, имеют тенденцию восприниматься поэлементно.

Невозможность четкого разграничения субъекта и объективного мира, о чем говорилось выше, проявляется, таким образом, в субъективном характере процесса выделения признаков, что вполне естественно, ибо в познании присутствует не только объект, но и субъект - познающий мир человек (Ср.: “За знанием скрыта никогда не разрываема связь субъекта с объектом” [18, 288]. Создание языковой картины мира в целом не может носить полностью объективный характер. Картина мира не есть простой набор “фотографий” предметов, процессор свойств и т.д., ибо включает в себя не только отраженные объекты, но и **позицию** отражающего субъекта, его отношение к этим объектам, при чем позиция субъекта - такая же реальность, как и сами объекты. А.А. Залевская в связи с этим указывает на зависимость того, на что мы обращаем внимание, от наших потребностей, привычек, настроения” [8, 8].

Собственно, причина избирательного характера отражения мира состоит в том, что человек имеет возможность использования многих “алфавитов”, по определению Б.Ф. Ломова [13, 288-193]. Предпочтение человеком определенного алфавита может быть ситуационно обу-

словлено, т.е. цель, требования деятельности диктуют выбор значений отдельных элементов ситуации. Например, при вычислении площади треугольника значимыми элементами треугольника для человека являются основание и высота, а не величина углов или цвет. Профессиональная деятельность также может обеспечивать человека определенными алфавитами отражения производственной среды. Кроме того, предпочтение тех или иных признаков может быть обусловлено личностной зависимостью определенных факторов, явлений, способностями, интересами человека, а также его профессиональным и личным опытом.

2.3. Когнитивная психология: Признак в теориях ментальных репрезентаций

Пониманию причин, на основании которых тот или иной признак включается в структуру значения слова, может способствовать изучение способов хранения и организации знаний в памяти. При рассмотрении этого вопроса ученые пользуются термином “ментальные репрезентации”, понимая под этим внутренние структуры сознания человека, возникающие в процессе его жизни и отражающие сформировавшуюся у него картину мира, общества и собственной личности [4, 8].

Из существующих обзоров моделей памяти, разработанных современной наукой [5;19], наиболее исчерпывающим является обзор Т.А. Ребеко [15, 6], к которому мы и отсылаем заинтересовавшихся этой проблемой читателей. Для нас значимость в этом вопросе представляет следующее. В первую очередь, Т.А. Ребеко предлагает различать теории, подразумевающие: 1) **один** формат ментальной репрезентации (признаковые модели, модели сети и коннекционистские модели); 2) **несколько** таких форматов, и справедливо подчеркивает реалистичность представления не о едином формате репрезентации информации и памяти, а о существовании нескольких способов её кодирования [15, 40]. Уточним, что под кодом понимается “упорядоченный список признаков, определяющих ту или иную произвольную единицу опыта (объект отношение или абстрактное понятие) на основе некоторого набора параметров” [2, 278].

В конечном счете, в настоящее время психологи пришли к общему мнению относительно гибкости форм репрезентации информации. Вопрос состоит лишь в том, в каких условиях какие формы ментальных репрезентаций предпочитают носители языка для оперирования ими в различных видах своей деятельности, в том числе и вербальной, что в результате при-

водит к формированию ментального образа, понятия об объекте внешнего мира.

3. Лингвистический аспект категории признака.

3.1. Онтология признака с лингвокогнитивных позиций.

Между предметом и словом, его называемым, стоит, таким образом, понятие о предмете, которое слово обозначает или в современной терминологии – концепт, объективированный в слове. Для современного сознания слово – всего лишь знак, имеющий своё (лексическое) значение. Оно складывается из множества представлений о признаках предмета, существенных и случайных, полезных и малозначительных, одинаково красивых и невыразительных.

Содержание понятия состоит из обобщённых признаков предмета, но лишь самых важных, существенных, необходимых для опознания вещи и по возможности истинных. Поэтому в словесном признаке больше индивидуального и национального, чем в признаках, составляющих содержание понятия. Развитие человеческой мысли и заключалось в том, что, отражая в постоянном поиске окружающий мир, слово всё строже и чётче выражало представление о самом существенном признаке предмета, порождая тем самым понятие о нём. Понятие логично, связано со значением, слово же ближе к чувственным формам конкретного познания.

Познание и состоит в отыскании и определении признаков, которые в последовательности качественной смены одного другим всё надёжнее обрисовывали в человеческом сознании контуры внешнего мира: сначала это просто признак предмета, затем его важное свойство и как завершение поисков – существенность его качества. Категория “качественность” становится философской по мере того, как из множества словесных образов создаётся законченное по точности знание мира.

Язык в разнообразии своих форм отражает самые разные способы развития понятий о мире. Определённые признаки предметного мира раньше всего проявляются в действии, в столкновении с человеком с предметом (ср. исследования психологов онтогенеза человека, развития ребёнка и т.д.), на котором останавливается и фокусируется его внимание. Выделение признаков происходит постепенно, переходит с одной грамматической категории на другую, более отвлечённую по способу выражения. Удачный пример приводит В.В. Колесов [9, 10]: тот, кто *смеет*, - *смел*; *смел* выражает качество, которое становится признаком, проявляется в прилагательном *смелый*; однако понятие о смелом

окончательно сформировалось в сознании только тогда, когда на основе всех этих “предварительных” языковых форм создаётся имяпонятие, в данном случае существительное *смелость*. На долгом же пути к его формированию постепенно изменяются и отношение к храбрости, и его характеристики. Кроме того, переменчивые обстоятельства жизни требуют всё новых проявлений храбрости-смелости, и существовавшие прежде слова в близком к нему значении (*буйный, храбрый, мужественный*) своими значениями-признаками воздействовали на семантику нового слова – всё это играло свою существенную роль в становлении новых понятий.

Способы выявления признаков с помощью слов постепенно изменялись, преобразуя вместе с тем и грамматические свойства, и средства языка. Современной лингвистике известна последовательность в изменениях грамматических категорий и периоды особой предпочтительности одних из них в ущерб другим. Из имени выделялись постепенно прилагательное, существительное, числительное и другие языковые знаки, называющие признак в последовательности его выявления и фиксации в речи, каждый раз в непосредственной зависимости от развития мысли и потребностей, которые возникали в обществе для подобной аналитической мысли, всё глубже проникавшей в тайны познания. **К категории признаковости, следовательно, следует подходить как к онтологической сущности, а к прилагательному – как лингвистической категории, имеющей, как и другие части речи в языке, непосредственное отношение к структуре опыта человека при взаимодействии с миром и в процессе его познания.**

Сущностная категоризация объективной действительности нашла свое отражение и в структуре естественных языков. Результаты ряда современных исследований, касающихся проблем семантически ориентированной лексико-грамматической категоризации, свидетельствуют о том, что вся полнозначная лексика языка, в самом общем виде, распределяется по двум обширным классам: классу вещных слов и классу признаков слов (С.Д. Кацпельсон, Е.С. Кубрякова, М.В. Никитин, А.А. Уфимцева и др.).

Класс вещных слов объединяет лексические единицы, обладающие общекатегориальным значением субстанциональности или предметности в широком понимании этого термина. Сюда относятся помимо преимущественного большинства имен существительных другие субстантивные и субстантивированные слова.

Класс признаков слов объединяет лексические единицы с общекатегориальным значе-

нием “признаковое” и включает в себя прилагательные, наречия, глаголы, причастия, инфинитивы и местоимения-прилагательные.

Следует, однако, иметь в виду, что словесные знаки настолько полифункциональны, объемны и гибки, что могут отвечать одновременно разным классификациям, проведенным по разным параметрам. Поэтому частеречная отнесенность слова не является основным критерием определения его вещной или признаковой сущности. В имени существительном, например, может быть эксплицитно представлена семантика предметности, а имплицитно признаковая семантика. Так, слова типа *трус, храбрец, добряк, белизна, горечь*, будучи существительными, называют все же признак.

Категория признака также не является однородной: признаки далее подразделяются на свойства и отношения. Свойство выступает как собственный (внутренний, имманентный), независимый от ее отношений к другим вещам, признак вещи. И хотя одно и то же свойство может быть присуще нескольким вещам и может быть обнаружено только в отношении вещи к другим вещам, оно, свойство, не порождается этими отношениями. Отношение же – такой признак вещи, который проявляется только в ее взаимодействии с другими вещами. В математической логике отношения противопоставляются свойствам как многоместные предикаты одноместным. С этой точки зрения можно рассматривать отношения как признаки, “называемые многоместными предикатами”, а свойства – “как частный случай вырожденного отношения, отношения с одним аргументом” [17, 23].

Естественно предположить, что деление признаков на свойства и отношения должно найти отражение и в языке. В определенной степени так оно и есть. Признакомая лексика разбивается на два основных подкласса: прилагательные и глаголы, однако полной корреляции здесь не наблюдается – и те, и другие могут включать в свой круг как одноместные, так и многоместные предикаты. Скорее можно говорить о преобладании одноместных предикатов среди прилагательных и многоместных среди глаголов.

Помимо **онтологического**, многие авторы (А.В. Бондарко, И.П. Иванова, И.И. Мещанинов) используют еще одно основание для разграничения существительных, прилагательных и глаголов, а именно – **временную** характеристику признака. Разветвленная система видовременных форм глагола позволяет ему указывать на широкий диапазон признаков: от постоянных, устойчиво-присущих до кратковременных, преходящих. Что же касается существительных

и прилагательных, то для них характерна преимущественно статическая, вневременная констатация признака, причем, у существительного признак связывается еще и с мыслью о носителе признака [17, 23]. Это позволяет сделать вывод о существовании “вероятностной массовой закономерности: чем длительнее, устойчивее, стабильнее и характернее признак для какой-то вещи, тем больше оснований ожидать, что при описании этой вещи номинация такого признака будет продвигаться по линии от глагола к прилагательному и далее к существительному” [17, 24].

Исходя из этого, представляется оправданным разделение современными лингвистами с этих позиций типов признаков, опредмеченных в языке, на **процессуальные**, обозначаемые глаголами, и **непроцессуальные**, получающие именование через прилагательное [24].

Что же касается границ класса признаков слов, то они действительно весьма размыты. Как уже говорилось выше, данный класс объединяет слова с общим значением признака в самом широком смысле. С точки зрения частеречной принадлежности сюда могут быть отнесены, прежде всего, прилагательные, глаголы, но также и нарицательные существительные, наречия, числительные, местоимения и любые словосочетания в признаковой функции. Следовательно, отнесенность к разряду признаков слов определяется в основном по функциональному принципу и в общем случае не является внутренне присущим слову свойством. По сути дела, за пределами класса остаются исключительно собственные имена, да и те, как отмечает М.В.Никитин [17, 81], “не лишены признаковой функции в составе эллизионных сочетаний и предложений, где есть отношение и его аргументы, но нет самого предиката отношения (ср.: “Эта книга - Петрова”). М.В.Никитин предлагает разграничить признаковое слово и признаковую функцию, которая возможна практически для всех знаменательных слов, в то время как далеко не все полнозначные слова способны к безденотатному употреблению.

Исходя из этих соображений, возможно представить, что, подобно многим другим категориям, категория признака также имеет полевою структуру, что ещё раз подтверждает мысль Е.С. Кубряковой о кластерном характере таких категорий. (Ср.: “Идя от понимания каждой ЧР как прототипической категории, характеризуемой определенным **кластером** или **пучком признаков**, мы можем довольно четко определить, какой набор признаков типичен для существительного в отличие глагола, а какой кодиру-

ется в языках мира прилагательными в отличие от существительных, и от глаголов” [11, 226]).

Ядро этой необычайно объемной категории составляют слова, имеющие следующий набор характерных черт: семантическая элементарность, неразложимость, как следствие этого - широкая предметная сфера приложимости, а в результате - способность к выполнению в высказывании преимущественно описательной функции (хотя качественным прилагательным свойственно выполнять и роль предиката). С точки зрения своей частеречной отнесенности, это - прилагательные (“эталонные признаки”, по мнению Н.Д.Арутюновой [1]) и наречия. На периферии же находятся слова, имеющие гораздо более сложную семантическую структуру и способные в зависимости от контекста либо ограничиться описательной функцией, либо совмещать ее с репрезентацией денотата.

Остановимся более подробно на прилагательном как части речи, выражающей в языке одну из главных бытийных категорий – ПРИЗНАК.

3.2. Специфика прилагательного как части речи

Прилагательные именуют отдельные признаки (или свойства) предметов, в отличие от существительных, наименования с помощью которых отнесены к целостным совокупностям признаков и свойств. Прилагательные обозначают непроцессуальные и атемпоральные признаки, в отличие от глаголов, что дает лингвистам право различать признаки процессуальные, выражаемые глаголом, и признаки непроцессуальные (хотя понятие “непроцессуальный признак” оказывается не всеобъемлющим, как показывают последние исследования [21]: семантика процессуальности свойственна в первую очередь качественным прилагательным и связана с их недифференцированной способностью выражать качество и качественное состояние, а относительные прилагательные с точки зрения лексической семантики выражают значение отношения (см. подробнее [24, 157-174]).

Завершая наше путешествие по многоаспектной проблематике категории признака в гуманитарном знании, и убедившись в её несомненно важной роли в процессе отражения и восприятия действительности, позволим сделать вывод о том, что именно прилагательное (в тех языках, где оно есть) как языковая частеречная категория, в силу выше сказанного, аккумулирует в себе инвариантные свойства одной из главных бытийных категорий – ПРИЗНАКА.. Философское осмысление данной категории, глубокие когнитивно-психологические и психолингвистические исследования служат фунда-

ментальным основанием объективности такого умозаключения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. - М.: Наука, 1982.- 410 с.
2. Аткинсон Р. Человеческая память и процесс обучения. - М.: Прогресс, 1980. - 320 с.
3. Bolinger D.W. Adjectives in English: attribution and predication // *Lingua*. - Vol. 18. - 1967. - № 1. - P. 35 - 50.
4. Брушлинский А.В. Субъект: Мышление, учение, воображение. - М.: Воронеж: НПО "Модэк". - 1996. - 380 с.
5. Величковский Б.М. Современная когнитивная психология. М.: Изд-во МГУ, 1982. - 583 с.
6. Виноград Т., Флорес Ф. О понимании компьютеров и познания // *Язык и интеллект*. - М., 1996. - С. 210 - 244.
7. Гегель Г.В.Ф.. Наука логики. / Отв. Ред. М.М. Розенталь; Т. 1- 3. Т.16 Учение о бытии. - М.: Мысль, 1970. - 501 с. Т. 2: Учение о сущности. - М.: Мысль, 1971. - 243 с.
8. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. - М., 1999. - 220 с.
9. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. - СПб: Филологический факультет Санкт - Петербургского государственного университета, 2000. - 326 с. (Серия «Филология и культура»).
10. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. - М.: Наука, 1982.- 421 с.
11. Кубрякова Е.С. Части речи с ономаσιологической точки зрения.- М.: Наука, 1978. - 301 с.
12. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. - М.: Ин - т языкознания РАН, 1997. - 330 с.
13. Ломов Б.Ф. Системность в психологии. - М.: Воронеж: АПСЦ, 1996. - 384 с.
14. Матурана У. Биология познания // *Язык и интеллект*. - М.: Прогресс, 1996. - С.95-142.
15. Ментальные репрезентации: динамика и структура. - М., 1998. - 199 с.
16. Найссер У. Познание и реальность - М.: Прогресс, 1981. - 330 с.
17. Никитин М.В. Основы лингвистической теории слова. - М.: Высшая школа, 1988. - 271 с.
18. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъективности. - Ростов - на Дону, 1996. - 210 с.
19. Семантика и категоризация / Под ред. Р.М. Фрумкиной. - М., 1991. - 261 с.
20. Солсо Р. Л. Когнитивная психология. - М.: Тривола, 1996. -320 с.
21. Сулименко Н.Е. Типы языковой семантики в системе имен прилагательных (относительно с глаголом) // *Глагол в лексической системе современного русского языка*. - Л., 1981. - С. 9-13.
22. *Философский словарь* / Под. ред. И.Т. Фролова. - М.: Изд-во полит лит-ры. - 1980. - 444 с.
23. Фрумкина Р.М. "Теории среднего уровня" в современной лингвистике // *Вопросы языкознания*. - 1996, № 2. - С. 55-67.
24. Шарандин А.Л. Курс по лексической грамматике русского языка. Морфология. - Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та, 2001. - 313 с.
25. Шехтер М.С. Психологические проблемы узнавания. - М.: Просвещение, 1980. - 340 с.
26. Штерн А.С. Перцептивный аспект речевой деятельности. - СПб., 1992. - 311 с.